

DOI 10.24411/1026-8804-2019-10033

Вступая в «новую эпоху»... Слово от главного редактора

Одной из самых примечательных формулировок, подчеркнувших высокую значимость июньского Саммита лидеров России и КНР 2019 г. и уже породивших широкий диапазон оценок и комментариев, от восторженных до критических и язвительных, стало словосочетание «в новую эпоху». Если для китайского политического лексикона это определение, благодаря идеологическим новациям Си Цзиньпина, стало уже обыденным, то в России, несколько подзабывшей риторику «эпохи строительства коммунизма», оно звучит свежо и многообещающе.

Совместное заявление глав государств декларирует, что «в новую эпоху» вступают «отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия», сформировавшиеся между Россией и КНР¹. Происходит это, как утверждается во втором из подписанных в июне совместных заявлений — касающемся вопросов стратегической стабильности, — в «современную эпоху»².

Каков багаж «старой эпохи» российско-китайских отношений, с которым они отправляются в будущее? По мнению авторов подписанных документов, это их «беспрецедентно высокий уровень» в целом, «высокий уровень политического доверия» и «доверительное сотрудничество в соответствующих областях», «успешная реализация больших стратегических проектов в области энергетики, инвестиций, космоса, авиации», совпадение взглядов «по большинству международных и региональных проблем»³. Буквально через два дня после саммита на Санкт-Петербургском экономическом форуме В. Путин заявил, что «такой глубины и широты отношений, как с Китаем», у России нет ни с одной страной мира⁴. Оценки и аргументы использованы

---

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 15.06.2019).

² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности в современную эпоху. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5412> (дата обращения: 15.06.2019).

³ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60672> (дата обращения: 15.06.2019).

⁴ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 7 июня 2019 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60707> (дата обращения: 15.06.2019).

преимущественно описательные, но за ними действительно стоит огромная и общая работа: десятки тысяч часов совещаний и переговоров, сотни больших и маленьких договоров, протоколов, меморандумов и соглашений, миллиарды вложенных в развитие отношений рублей и юаней. Далеко не всё получается. Ахиллесовой пятой остаётся структура экономических связей. В числе отстающих — приграничные отношения. Бюрократические проволочки, несогласованность действий и некомпетентность исполнителей душат на корню многие хорошие инициативы. Однако позитивное начало всё же перевешивает, создаёт платформу для настоящего и позволяет заглядывать в будущее.

Главной целью Совместного заявления о развитии отношений в новую эпоху является, по словам российского Президента, «постановка новых масштабных задач и долгосрочных ориентиров сотрудничества»⁵. Причём ведётся эта работа в условиях последовательного расшатывания и разрушения международной системы, подрыва стратегической стабильности, устоявшейся системы международных норм и правил, политики протекционизма, возникновения трудноразрешимых правовых и политико-дипломатических проблем, что делает её и трудной, и исключительно ответственной.

Что же определяет «новизну» наступающей эпохи российско-китайских отношений? Её стержнем и ключевым элементом, как мне кажется, является слово «координация». И эта координация должна расширяться и углубляться прежде всего в выборе и отработке внутренней и внешней стратегий развития. Закономерно, что степень, масштабы и перспективы «координации» в этих областях неодинаковы.

На сегодняшний день содержащиеся в тексте Совместного заявления слова о «глубокой интеграции» и «тесной координации» России и КНР «в вопросах сопряжения национальных стратегий развития», «координации национальных стратегий, программ и практических мер в области развития экономики» вызывают противоречивые чувства, особенно если учесть как очень разные уровень и качество стратегического планирования в Китае и России, так и провальный опыт координации программ развития Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая. Скептицизм заметно усиливается, стоит познакомиться с новыми «плодами координационной» деятельности российских и китайских бюрократических структур.

Ими за последние несколько месяцев стали два документа. Первый из них — «Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018—2024 годы». В сентябре 2018 г. на полях Восточного экономического форума В. Путин и Си Цзиньпин одобрили её принятие, а в начале ноября Д. Медведев и Ли Кэцян

⁵ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров...

пописали этот документ. Тогда же два премьера утвердили «План развития сельского хозяйства Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая». Задача реализации этих «планов» вошла в текст Совместного заявления от 5 июня, и, видимо, по этой причине стороны посчитали излишним уделять специальное внимание связям приграничных территорий России и Китая, которым на этом саммите было отведено весьма скромное место. О расширении российско-китайских межрегиональных обменов и «углублении торгово-экономического сотрудничества между регионами» говорилось отдельно, но речь шла преимущественно о вовлечении в это взаимодействие центральных территорий России.

Фактически четверть отпущенного на реализацию двух планов срока уже прошла, и пора подводить первоначальные итоги. Однако, как это сделать, не ясно, поскольку потенциальные исполнители, похоже, и в глаза не видели прописанные для них задачи. «Программу» на русском языке можно обнаружить разве что на сайте Министерства коммерции КНР⁶, а «План по сельскому хозяйству» мне не удалось найти ни на русском, ни на китайском языках. Какие-то сведения о документе можно почерпнуть только из лаконичных комментариев опять же Министерства коммерции КНР. Подобная секретность сразу настораживает.

Если о качестве Плана пока судить трудно, то Программа по большому счёту ни программой, ни планом (в китайском варианте документ именуется именно планом) не является. Бесплезно искать в ней какие-то сроки, меры, объекты, суммы и прочие показатели, которые характерны для документов такого свойства. Как заметила один из экспертов-юристов (которая, видимо, сама документ не читала, поскольку в списке использованной ею литературы он отсутствует, но чётко сориентировалась по каким-то косвенным показателям), Программа «практически ничем не связывает и не обязывает стороны (особенно китайскую)»⁷. По сути, она являет собой декларацию намерений двух бюрократических структур — Минвостокразвития РФ и Минкоммерции КНР — о привлечении китайских капиталов и рабочей силы к развитию Дальнего Востока. Но ещё в большей степени это манифест для потенциальных китайских инвесторов, которым он обещает «зелёную улицу» и всяческую поддержку. Как записано в документе, КНР является «ключевым зарубежным партнёром Российской Федерации

⁶ Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018—2024 годы. URL: <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml> (дата обращения: 15.06.2019).

⁷ Беликова К.М. Дальний Восток в инвестиционных отношениях России и Китая: современное состояние и перспективы (политико-правовой аспект) // Право и политика. 2019. № 2. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28930 (дата обращения: 02.06.2019).

в деле ускорения экономического развития Дальнего Востока России», а потому «российская сторона будет способствовать реализации благоприятной инвестиционной политики и реализовывать меры для снятия барьеров, препятствующих инвестициям из Китайской Народной Республики на Дальнем Востоке России» (п. 5.1.4).

Разъясняя суть и значение Программы, ответственный чиновник Министерства коммерции КНР прямо сказал, что она является «программным документом сотрудничества между двумя сторонами и путеводителем для китайских промышленных инвестиций на Дальнем Востоке»⁸. Перечислены приоритетные сферы, куда правительство намерено привлечь китайский капитал: добыча нефти и природного газа, твёрдые полезные ископаемые, транспорт и логистика, сельское хозяйство, лесная промышленность, аквакультура и туризм. Так что даже после беглого прочтения документа становится понятно, почему его не торопятся показывать общественности: обвинения в адрес авторов в намерении продать Дальний Восток китайцам посыплются как из рога изобилия.

Тем не менее сам факт появления подобной программы важен. По крайней мере, власти на местах получают определённые установки и подсказки, исходя из которых они могут выстраивать и корректировать политику на местах, не оглядываясь ежесекундно на Москву.

Сельскому хозяйству в российско-китайском «практическом сотрудничестве» сегодня отдаётся особый приоритет, в том числе и на приграничном уровне. Инициатива исходит от китайской стороны, хотя ещё в начале XXI в. Пекин активно пресекал все попытки российских сельхозпроизводителей войти на китайский рынок. Тем не менее в 2011 г. руководители КНР определили территорию Дальнего Востока как перспективный регион для инвестиций в аграрный сектор⁹, с тех пор планомерно наращивая капиталовложения в эту сферу российской экономики. В результате, по утверждению торгпреда КНР в России, китайские инвестиции в российское сельское хозяйство составляют 13% всех зарубежных инвестиций в этой области российской экономики, и бóльшая их часть размещена на Дальнем Востоке¹⁰.

⁸ 商务部欧亚司负责人就《中俄在俄罗斯远东地区合作发展规划（2018—2024年）》进行解读 = Ответственный чиновник Евро-азиатского департамента Министерства коммерции разъясняет «План развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018—2024 годы». URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/guihua/201811/20181102807004.shtml> (дата обращения: 15.06.2019).

⁹ 中俄农业合作 俄罗斯能成为中国的粮仓吗 = Китайско-российское сотрудничество в сельском хозяйстве. Сможет ли Россия стать зернохранилищем Китая? URL: http://www.guinp.com/news_detail.jsp?ArtId=1298 (дата обращения: 15.06.2019).

¹⁰ 俄农业部积极评价《中国东北地区和俄罗斯远东及贝加尔地区农业发展规划》 = Министерство сельского хозяйства России активно оценивает «План развития сельского хозяйства Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая». URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/e/201811/20181102807911.shtml> (дата обращения: 15.06.2019).

Вообще, говоря об объёме китайских инвестиций в зону Тихоокеанской России, официальные лица нашей страны оперируют всё большими и большими, хотя и трудно поддающимися строгому контролю цифрами. По словам В. Путина, в проекты на Дальнем Востоке России китайцы уже вложили 3,5 млрд долл.¹¹ Однако ещё в конце 2017 г. «Российская газета» писала, что с участием китайского капитала в ДВФО реализовались 28 проектов с объёмом инвестиций около 4 млрд долл.¹² По недавнему утверждению Ю. Трутнева, в территориях опережающего развития и свободного порта Владивосток реализуется 45 проектов с участием инвесторов из Китая с объёмом инвестиций 2,6 млрд долл. США и «ведётся активное взаимодействие» по 35 инвестиционным проектам на сумму 17,8 млрд долл.¹³ Если учесть, что китайские «инвестиции в российское сельское хозяйство» — это преимущественно деньги, вложенные в аренду земли, то картина уже не кажется столь привлекательной.

Торговая война США против Китая привела к сокращению импорта с американского континента в КНР стратегически важных для неё видов сельскохозяйственной продукции, прежде всего соевых бобов. Под угрозой оказалось обеспечение продовольственной безопасности страны, и поэтому китайские власти начали открывать продовольственный рынок страны для российских поставщиков. Не удивительно, что сотрудничество в области аграрного производства оказалось одним из ключевых вопросов в повестке июньского саммита. В Совместном заявлении фигурирует не только «План развития сельского хозяйства Дальнего Востока и Байкальского региона и Северо-Востока Китая», но и «План сотрудничества по увеличению объёмов экспорта сои и продуктов её переработки из России в Китай».

Закономерно, что китайские СМИ задались вопросом: способна ли Россия помочь в обеспечении зерновой безопасности КНР, стать «зернохранилищем для Китая»¹⁴? Китайский ответ — «да»! Уже сегодня Поднебесная скупает практически весь урожай дальневосточной сои¹⁵.

¹¹ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров...

¹² Дробышева И. От локальных проектов к трансграничной кооперации // Российская газета. Спецвыпуск № 7463 (297). URL: <https://rg.ru/2017/12/29/kitaj-realizuet-na-dalnem-vostoke-28-proektov-na-4-mlrd-dollarov.html> (дата обращения: 02.06.2019).

¹³ В Пекине прошла межсессионная встреча // Региональная Россия. 2019. 26 апреля. URL: <http://www.regruss.ru/content/news/10466/> (дата обращения: 15.06.2019).

¹⁴ 中俄农业合作 俄罗斯能成为中国的粮仓吗 = Китайско-российское сотрудничество в сельском хозяйстве. Сможет ли Россия стать зернохранилищем Китая?...

¹⁵ Добролюбова О. Китайский отжим // Золотой Рог. 2019. 7 мая. URL: http://www.zrpress.ru/business/primorje_07.05.2019_94057_kitajskij-otzhim.html (дата обращения: 02.06.2019).

Более того, китайские эксперты уверены, что заинтересованность Китая в росте поставок сельхозпродукции с Дальнего Востока России приведёт к ускорению экономического развития данного региона.

Насколько осуществимы эти замыслы? Осуществимы вполне. Можно вспомнить, насколько быстро и эффективно Пекин реализовал стратегическую линию на обеспечение своей энергетической безопасности, в том числе за счёт России, которая стала стабильным поставщиком энергоресурсов в КНР. В 2018 г. экспорт нефти из России в Китай достиг 67 млн т (почти 16% китайского импорта нефти), к концу 2019 г. будет запущен газопровод «Сила Сибири». На очереди — обеспечение независимости КНР от Запада в сфере продовольствия, и Россия может сыграть в этом немаловажную роль.

Ещё одно замечание к «Программе», но уже общего свойства. Очевидно, что она отражает совпадающий и сугубо утилитарный подход обеих сторон — Москвы и Пекина — к колониальному использованию природных ресурсов Дальнего Востока. Как и прежде, «за скобками» остаются два самых перспективных ресурса региона: морской (за исключением морепродуктов) и интеллектуальный, в частности потенциал его научно-технического сообщества, прежде всего в лице научных коллективов Дальневосточного отделения РАН. В тексте ни разу не встречаются слова «инновации», «инновационный», и это притом что главы государств объявили о проведении в 2020 и 2021 гг. перекрёстных годов научно-технического и инновационного сотрудничества.

Возвращаясь к ключевому слову «новой эпохи» — «координации», отметим, что с «тесной и эффективной координацией на международной арене», которая достаточно подробно расшифровывается во втором Совместном заявлении, дело обстоит значительно лучше. Прежде всего, Россия фактически поддержала идею Си Цзиньпина, записанную в «Совместном заявлении о сотрудничестве в новую эпоху». В документе сказано, что содержание «отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» включает, в том числе, и «построение сообщества единой судьбы человечества на основе равноправного участия всех стран в глобальном управлении, соблюдения международного права, обеспечения равной и неделимой безопасности, взаимного уважения и учёта интересов друг друга, отказа от конфронтации и конфликтов»¹⁶.

Кажется, найдена соответствующая реалиям формула «сопряжения» инициативы «Пояса и пути» и Большого евразийского партнёрства, которая нередко была объектом критики со стороны экспертов.

¹⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства...

Москва и Пекин отныне поддерживают друг друга и считают, что обе инициативы «могут развиваться параллельно и скоординированно»¹⁷.

Наконец, в «Совместном заявлении о поддержании стратегической стабильности» в полной мере высветилась та сила, которая настойчиво толкает две страны к сближению. Заявление имеет откровенно антиамериканский настрой. От ссылок на «опасные действия отдельных государств, которые, исходя из собственной геополитической и даже коммерческой выгоды, разрушают или изменяют под свои нужды существующую архитектуру контроля над вооружениями и нераспространения оружия массового уничтожения», фокус критики переносится на действия США, которые «крайне негативно сказываются на международном и региональном стратегическом балансе, безопасности и стабильности», наносят серьёзный удар по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, блокируют работу по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве и т.д.¹⁸ Поэтому «сотрудничество России и Китая на международной арене <...> является на сегодня важнейшим фактором стабильности в мировых делах»¹⁹.

Таким образом, если исходить из подписанных на июньском саммите документов, «новая эпоха» российско-китайских отношений обещает быть не менее сложной и интригующей, чем все прежние их этапы. Китай готов взять на буксир тихходную российскую экономику, взамен получая ресурсы и поддержку России в его борьбе за переустройство мировой архитектуры и воплощение «китайской мечты». При этом стороны подтверждают свой прежний отказ от установления союзнических отношений и акцентируют внимание на двух базовых принципах отношений: взаимопонимании и готовности к компромиссу.

Гарантами реализации достигнутых договорённостей выступают два политических лидера — В. Путин и Си Цзиньпин. Чтобы по этому поводу ни у кого не возникало сомнений, в Совместном заявлении зафиксирован тезис о «стратегической руководящей роли глав двух государств». Тем самым персонификация российско-китайских отношений, их завязанность на тесные, доверительные отношения двух политических лидеров становится ещё более значимым фактором. Не случайно Си Цзиньпин напомнил, что за прошедшие 6 лет он встречался с В. Путиным почти 30 раз²⁰. В этом сила, но одновременно и слабость российско-китайских отношений.

Как мы видим, «новая эпоха» сотрудничества двух великих держав органически вырастает из сложного переплетения их нынешних

¹⁷ Там же.

¹⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности...

¹⁹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума...

²⁰ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров...

внутренних и внешних интересов, нюансов глобальной политики, комплекса экономических, идеологических и психологических факторов. Но есть у этих отношений и весьма непростой исторический подтекст, в котором присутствуют радость и боль, дружба и предательство, сотрудничество и конфликты, достижения и провалы, т.е. всё то, из чего и состоит сложный процесс развития государств и народов, именуемый историей.

Председатель КНР Си Цзиньпин назвал «беспрецедентно высокий уровень отношений» между РФ и КНР «результатом развития за прошедшие 70 лет» и признался, что вместе с российским Президентом они решили «извлекать исторический опыт в духе добрососедства, дружбы, сотрудничества и обоюдного выигрыша»²¹. В представляемой читателям рубрике журнала, посвящённой двум юбилеям, мы постараемся сделать то же самое.

Статьи этой рубрики разнятся по содержанию, направленности, глубине анализа и широте охватываемых проблем. Я не буду пересказывать их содержание, давать комментарии, выделять главное, что обычно делается в предисловиях к рубрикам. Читатель вправе выбирать и читать то, что ему интересно. Главное, что в этом номере журнала представлены не только обширная география изучения Китая и российско-китайских отношений (Владивосток, Москва, Екатеринбург, Красноярск, Благовещенск, Сидней, Харбин), но и широкий спектр проблем, волнующих исследователей.

Закончить исторический экскурс хочется напоминанием, что двумя юбилейными событиями, которым посвящена данная рубрика журнала, знаменательные даты в 2019 г. не заканчиваются. В августе исполнилось 330 лет с момента подписания Нерчинского договора, не только первого российско-китайского соглашения, но и вообще первого в истории Китая международного договора. 100 лет назад, в мае 1919 г., в Китае развернулось Движение 4 мая, по сути, ставшее первым и критически важным событием на долгом пути страны к модернизации. В мае 1989 г. во время визита М. Горбачёва в Пекин были формально нормализованы советско-китайские отношения, а за два десятилетия до этого, весной 1969 г., пролилась кровь на пограничной р. Уссури. Каждое из этих событий внесло ту или иную лепту в формирование современных российско-китайских отношений, которые, по мнению руководителей двух государств, «достигли беспрецедентно высокого уровня». Так что, входя в «новую эпоху», Россия и Китай должны почаще оглядываться на прошлое и не забывать уроки, которые им преподавала история.

В.Л. Ларин, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН

²¹ Там же.